

ISSN 0042-8744

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

3

2009

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ

№ 3

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1947 ГОДА
ВЫХОДИТ ЕЖЕМЕСЯЧНО

2009

МОСКВА

Журнал издается под руководством
Президиума Российской академии наук

"НАУКА"

СОДЕРЖАНИЕ

К.С. Гаджиев – Этюды о тоске человека по вечности 3

Философия, культура, общество

П.С. Гуревич – Феномен деантропологизации человека 19

К.М. Кантор – Очаги Истории 32

Дж. Марголис – Состояние искусств 53

Философия и наука

В.Г. Горохов, А.С. Сидоренко – Роль фундаментальных исследований в развитии новейших технологий 67

В.В. Краевский – Науки об образовании и наука об образовании (методологические проблемы современной педагогики) 77

Б.В. Бирюков, О.А. Борисова, В.И. Левин – О вкладе В.И. Шестакова в создание логической теории релейных схем 83

Философия России второй половины XX в.

В.Г. Арсланов – А.Ф. Лосев и Мих. Лифшиц о Гомере и древней мифологии (две концепции Абсолюта) 93

Е.Г. Драгалина-Черная – Логика и онтология в формальной философии В.А. Смирнова 108

И.И. Блауберг – П.С. Попов – исследователь философии Бергсона	119
П.С. Попов – Бергсон и его критики	128

История философии

Ф.Х. Кессиди – Гераклит и диалектический материализм	142
М.Е. Соболева – О возможности диалога между культурами	147
А.В. Ямпольская – Современная французская мысль и переосмысление структурализма. Размышления над книгой Н.С. Автономовой "Познание и перевод. Опыты философии языка"	158

Научная жизнь

Н.А. Дмитриева – Неокантианство немецкое и русское в прошлом, настоящем и будущем	165
--	-----

Критика и библиография

Веса Ойттинен – В.М. Межуев. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему	176
Ю.М. Батурич – А. Бэттлер. Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала)	179
М.С. Киселева – Т.А. Опарина. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии	181
Коротко о книгах	184
В.М. Межуеву – 75 лет	189
Манфред Бур	190
Наши авторы	191

Главный редактор – Лекторский Владислав Александрович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.А. Лекторский (главный редактор), **П.П. Гайденок**, **А.А. Гусейнов**,
В.П. Зинченко, **А.Ф. Зотов**, **В.К. Кантор**, **В.В. Миронов**,
Н.В. Мотрошилова, **А.П. Огурцов**, **Т.И. Ойзерман**,
Б.И. Пружинин (заместитель главного редактора), **А.М. Руткевич**,
В.Н. Садовский, **В.С. Степин**,
Н.Н. Трубникова (ответственный секретарь)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Э. Агацци (Швейцария), **Ш. Авинери** (Израиль), **Т. Имамичи** (Япония),
У. Ньютон-Смит (Великобритания), **Ю. Хабермас** (ФРГ),
Р. Харре (Великобритания)

лизм находится по ту сторону всякой экономики, то как их можно достичь? Ведь все наши "посюсторонние" действия носят непосредственно сигнатуру экономического. Данный комплекс вопросов, как представляется, уже вызвал критику Межуева, например, со стороны Бориса Славина, который обвиняет его в "бегстве от реальности" в одноименной статье¹. Ответ Межуева Славину, который приведен в рецензируемой книге, для меня лично не совсем убедителен. Может быть, нужно, не отрицая существующей между идеалом социализма, понятым как культура, и действительностью "трансцендентной пропасти", более основательно обдумать ее надлежащую интерпретацию. Возможно, эта пропасть заложена в самой человеческой деятельности, всеобщий момент которой нельзя редуцировать к конкретному материальному труду. Тогда "трансцендентность" – не столько грех или недостаток даваемой Межуевым интерпретации, сколько отличный знак самой культуры. Во всяком случае, возникает впечатление, что Славин и Межуев говорят как бы мимо друг друга.

Вторая проблема носит более теоретический характер. У Межуева культура и социализм, будучи результатом всеобщего труда, представляются чем-то чрезвычайно позитивным, тогда как все формы и продукты отчужденного труда накапливаются на противоположном полюсе "экономической формации" (Межуев так и пишет: "Культура в трактовке Маркса – это *человеческая* форма общественного богатства в отличие от *капитала* – отчужденной (...) формы этого богатства", с. 77). Отсюда следует, что, религия, например, выражая, согласно марксизму, отчужденное, искаженное отношение человека к действительности, не принадлежит к культуре. Но даже атеист здесь засомневался бы, ибо разве сокровища религиозного искусства не обладают культурным значением? Возможный ответ, оставляющий нетронутой главную идею концепции культуры Межуева, состоит, видимо, в том, что в религии следует отличать ее "отчужденное зерно" от позитивно-материальных, принадлежащих к культуре элементов (религиозное искусство, благодаря его материальности, невозможно без остатка редуцировать к чисто религиозным посланиям).

Но более точное обсуждение этих вопросов является задачей будущей дискуссии. Книга Меж-

¹ См.: Межуев В.М., Славин Б.Ф. Диалоги о социализме. Два подхода к одной идее. М., 2001. – Ред.

А. БЭТТЛЕР. **Общество: прогресс и сила (критерии и основные начала)**. М.: Издательство ЛКИ, 2008, 328 с.

В аннотации к монографии Алекса Бэттлера отмечается, что автор "отважился сформулировать два Начала общественного развития, по фундаментальности напоминающие Первый и Второй законы термодинамики". (В силу обобщенности этих законов, они нередко называются "началами").

уева содержит оригинальную теорию культуры, причем даже ее противоречия плодотворны, ибо это противоречия самого предмета, а не исследователя, следовательно, противоречия объективные, а не субъективные. Совсем без единомышленников Межуев, однако, не остается. Он сам указывает на "Марксизм и утопизм" Т.И. Ойзермана. Для этих двух работ, при всех различиях между ними, общим является то, что они находят зерно Марксова гуманизма в его знаменитых пассажах из "*Grundrisse*", в которых вскрывается противоречие между капиталистической формой общественного богатства, производство которого измеряется рабочим временем, и его реальным содержанием. Со стороны последнего "действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов". Но "тогда мерой богатства будет отнюдь уже не рабочее время, а свободное время" (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 2, с. 217; Межуев, с. 131).

То, что оба автора опираются на "*Grundrisse*", не является случайностью: в этом труде философско-антропологические взгляды Маркса предстают более отчетливо, чем позже в "Капитале". К тому же Межуев и Ойзерман имеют предшественников, что позволяет говорить о "традиции *Grundrisse*-марксизма" в странах бывшего социалистического лагеря. Еще в 1968 г. в Чехословакии вышел так называемый "Рихта-доклад", написанный коллективом авторов под руководством академика Радована Рихты. Он был посвящен тогдашнему кризису социалистической экономики, выход из которого авторы искали, опираясь на содержащиеся в "*Grundrisse*" пассажи относительно необходимости подведения под экономику научной базы и автоматизации производства. Исследование, проведенное группой Рихты, намечало путь к "царству свободы", который в ходе позднейших событий в ЧССР был отвергнут как утопизм и быстро забыт, но который, по моему мнению, имел точки соприкосновения с межуевской концепцией культуры и социализма и с пониманием Маркса поздним Ойзерманом. Предпринятое Межуевым и другими авторами дистанцирование от толкования Маркса традиционными диалектом и истматом, вместе с бесчисленными новыми материалами из наследия Маркса, которые публикуются в настоящее время в *Marx-Engels Gesamtausgabe* (MEGA), позволяют наметить контуры "нового Маркса", который существенно отличается от его прежнего образа.

Веса Ойттинен (Хельсинки)
Перевод с немецкого С.Н. Мареева

Книга А. Бэттлера предназначена не столько для прочтения, сколько для глубокого изучения. Как в физике, так и в обществе фундаментальные законы оперируют с некоторым числом концептов, через которые читатель, познающий предмет по классическим учебникам, спускается к более

частным законам меньшей универсальности. Этот путь обычно состоит из ряда ступеней и не так прост, даже при хорошем наставнике. Представьте, каково подниматься по тем же ступеням в противоположном направлении к "началам"! А именно в этом и состоит судьба исследователей. Но лишь немногим, самым упорным и умеющим не только анализировать, но и обобщать, в конце концов удастся увидеть повторяющуюся связь характерных событий, выделить отношения, соответствующие этой связи, то есть отношения концептов, из которых и вырастает формулировка закона.

Если сегодня ретроспективно оценить научные работы Алекса Бэттлера (некоторые из них известны под его российским псевдонимом – Олег Арин), то обнаружится, что это и есть путь анализа и обобщения, результаты которых в разных научных сферах сформулированы в виде законов и закономерностей. Если прежде они рассматривались как самостоятельные достижения в рамках различных наук (политэкономии, геоэкономики, теории международных отношений и т.д.), то уже с предыдущей его книги (*Бэттлер А. Диалектика силы. Онтология.* – М.: Едиториал УРСС, 2005)¹ стало понятно, что автор просто вновь и вновь возвращался к аналитическим истокам и опять взбирался, уже по иным тропам, к одной и той же вершине, которую он, пусть смутно, но разглядел много лет назад. Эта вершина предстает перед читателем рецензируемой работы в виде, казалось бы, простого, но очень многомерного и трудного для ответа вопроса: "Что такое прогресс?", – в первую очередь, прогресс в общественной жизни, к чему А. Бэттлер подошел в своей уже упомянутой книге. С этого момента работы А. Бэттлера стали вбирать в себя достижения таких наук, как философия, космогония, органика, психология, социология, демография.

Категория "прогресс", осмысливаемая разными учеными на сходных комплексах событий, вызывает к жизни альтернативные, а иногда даже и противоположные оценки и концепции. У Ф. Хайека "прогресс – движение ради самого движения", для Роберта Бирстеда же, например, в прогрессе важно "завершение задачи", что у Ричарда Нойхуса выражено еще более определенно: "Прогресс это больше чем изменение, это изменение с целью". Карл Поппер прогресс связывает со свободой, а по Джеффри Айзенбаху прогресс – это предписание.

В первой, философской части книги ("Феноменология прогресса"), автор детально анализирует труды философов и политологов различных стран, которые в той или иной степени касались темы прогресса. В рамках этой части в разделе "Феноменология общественной силы" были проанализированы также взгляды политологов и международных относительно общественной силы на онтологическом уровне. И хотя А. Бэттлер в целом не соглашается с их конечными выводами,

тем не менее он пытается найти в их рассуждениях рациональные зерна, которые в последующем использует для разработки своей концепции силы и прогресса в обществе.

Далее, во второй части ("Прогресс и сила") автор делает неожиданный поворот, переходя к совершенно другой области: органике и психологии. Такой поворот ему оказывается нужным для того, чтобы доказать, что понятие "прогресс" не имеет отношения к физическому или органическому мирам, как утверждают многие ученые. Оно применимо только к человеку, к общественным отношениям. В этой части анализируются различия между понятиями "прогресс", "усложнение", "развитие" и другими. Здесь же выявляются четкие взаимоотношения между прогрессом, силой и знаниями человека. Довольно непростые рассуждения на стыке наук позволили автору по-новому осмыслить понятие прогресса и сформулировать два закона общественного развития. В соответствии с теорией А. Бэттлера "прогрессом называется дельта жизни, что есть разность между тем, сколько отпущено человеку природой (законами неорганического и органического миров), и тем, сколько он реально (актуально) проживает благодаря своим знаниям, или негэнтропии" (с. 238).

Появление в рассуждениях категории "(не)энтропия" обязывает нас сделать маленькое отступление. Физики привыкли, что, развивая свою науку, они время от времени приходят к противоречиям со сформулированными ранее законами природы. Иногда это означает провал развиваемой теории, иногда уточнение открытых ранее законов. Нет законов несокрушимых. Точнее, почти нет. Одним из таких критериев проверки на прочность новых концепций являются начала термодинамики. Например, если теория противоречит даже только второму началу, горе ей!

Особенностью новой книги Бэттлера является то, что сформулированные автором в рамках развиваемых конструкций законы не только соответствуют второму началу термодинамики, они вытекают из него. В результате первый закон (начало общественного развития – закон силы – формулируется так: "сила общества (человечества) неуклонно возрастает со временем" (с. 216). Далее автор показывает, что первое начало общественного развития не противоречит первому началу термодинамики, одному из вариантов всеобщего закона природы – закону превращения и сохранения энергии. Первое начало термодинамики, безусловно, является важным инструментом в естествознании, но недостаточным, поскольку не указывает направление процесса. В отличие от него первое начало общественного развития по Бэттлеру такое направление для общества указывает. Таким образом, автор не пытается провести простые аналогии с физикой и найти адекватные формулировки для общества. Его логика привела к закону, который соответствует "объединению" первого и второго начал термодинамики.

Второй закон (начало общественного развития – закон общественных знаний звучит так: "чем глубже и шире знания человечества, тем сильнее его сопротивляемость Второму закону термодинамики" (закону смерти). Или короче: "чем глубже

¹ Рецензию на нее см. в "Вопросах философии", 2006, № 1. – Ред.

знания, тем меньше энтропии" (с. 218). В симметричной форме: чем меньше знания, тем больше энтропия. В физике рост энтропии не означает деградации энергии, но означает лишь ее рассеяние, и согласно первому началу термодинамики, эта энергия может быть преобразована в другие виды энергии. В этом смысле второй закон общественного развития по Бэттлеру не только "закон борьбы", но и закон трансформации общественных сил.

Первый и второй закон у Бэттлера взаимосвязаны, при этом сила и знания взаимообратимы, поскольку каждая из них может являться функцией другой. Эти взаимосвязи доказаны на основе диалектической логики и представлены в математической форме.

Третья часть книги ("Дельта жизни") призвана подтвердить теоретические рассуждения автора практикой существования человечества через его количественный (прирост населения) и качественный рост (увеличение средней продолжительности жизни). Поскольку и первый и второй законы общественного развития теснейшим образом связаны с наукой, в этой части показано, как наука влияла и влияет на дельту жизни в различных частях земного шара, начиная с периода среднего палеолита. Затрагиваются здесь взаимоотношения сформулированных законов с политикой, экономикой, религией, общественными формациями.

И еще об одном. В науке важен язык, которым описываются объекты теории, он должен быть точен и строг, а потому всегда сложнее бытового

описания. Но далее происходит переход к метаязыку, которым описываются языки описания объектов. В силу множественности объектов он оказывается еще сложнее. Задача автора любой научной книги – сделать толковый перевод с этого метаязыка на человеческий. По качеству такого перевода можно легко судить о степени понимания автором того, о чем он пишет: если язык прост и ясен, будьте уверены, автор действительно понимает то, что излагает читателю. В этом смысле рецензируемая монография выгодно отличается от знакомых всем многочисленных наукообразных текстов, обильно сдобренных модным сегодня "англизмом". Кажущиеся пугающими для читателя гуманитария математические выражения имеют на самом деле весьма прозрачный смысл (до которого, правда, надо было додуматься), тут же объясняемый автором. Математически сформулированный закон – обычная цель ученого-естественника, поскольку формула позволяет перейти к измерениям, использовать статистику и проверить закон на множестве частных случаев.

Не будем забывать, что в науке, как в физике, так и в обществе, всякая "последняя" ступень в формулировании фундаментальных законов на самом деле таковой не является. Поэтому вряд ли мы удивимся, обнаружив через несколько лет новую книгу А. Бэттлера, сумевшего сделать еще один шаг.

Ю.М. Батурич

Т.А. ОПАРИНА. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М.: Прогресс-Традиция, 2007, 384 с.

Обращение отечественной философии к трудам современных историков не случайно. Российская наука в последние двадцатилетие обогатилась многочисленными исследованиями истории России XVII в., который принято называть "ранним Новым временем", – с очевидными предпосылками (от Ливонской войны) и явными последствиями (Петровскими реформами)¹. Переход от средневековья к Новому времени, как основная характеристика этого периода, безусловно, привлекает ученых, живущих в современной России, претерпевающей экономические и социальные изменения уже третье десятилетие. Существенно, что в методологическом арсенале отечественных историков появились средства, поддерживающие междисциплинарный подход к анализу про-

шлого, центром которого является человек, в его разнообразных жизненных реалиях – политических, профессиональных, национальных, конфессиональных, моральных, бытовых, ценностных и др. Такого рода исторические исследования, несомненно, ценны для философа, так как позволяют осмысливать анализируемый материал в антропологическом измерении.

Рецензируемая книга Т.А. Опариной посвящена одному из интересных и малоизученных вопросов² политической культуры допетровской России – иммиграции "в лицах". Это чрезвычайно разнообразное социальное явление имело свои особенности во всех структурах общества – конфессиональных, этнических, профессиональных, бытовых. Жанр книги – биографические очерки. Однако сегодня этот традиционный в современной исторической науке жанр трансформировался в особый тип исследования, именуемый персональной историей, со всеми вытекающими методологическими и теоретическими

¹ См., например: Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998; Живов В. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004; Андреев И. Алексей Михайлович. Серия: ЖЗЛ. М., 2006; Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. 2-е изд., испр. СПб., 2008 и др.

² См. на эту тему: Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (Правовой статус и реальное положение). М., 2004.